

УДК 94(=512.36)

DOI: 10.18101/978-5-9793-1431-0-293-299

**МОНГОЛЬСКИЕ НАРОДЫ В ТРАНСНАЦИОНАЛЬНЫХ ПРОЦЕССАХ
СЕВЕРО-ВОСТОЧНОЙ АЗИИ XIII–XXI вв.
В РЕГИОНАЛЬНОЙ ИСТОРИОГРАФИИ**

© **Дугаров Владимир Доржиевич**

доктор исторических наук, профессор,

Бурятский государственный университет имени Доржи Банзарова

Россия, 670000, г. Улан-Удэ, ул. Смолина, 24а

E-mail: dugarovbgu@mail.ru

Процессы глобализации в отечественном научно-образовательном комплексе остро и совершенно по-новому ставят вопросы выбора путей развития гуманитарного знания, способного давать адекватные ответы на эти вызовы.

В региональной монголоведной науке России в начале XXI в. актуальной проблемой изучения является комплексное исследование историографии бурятских, монгольских государственных образований в их взаимоотношениях с сопредельными государствами Северо-Восточной Азии.

Ключевые слова: Северо-Восточная Азия; Монголия; Китай; Корея; историография; методология; Д. Б. Улымжиев; «Их Засаг».

**THE MONGOLIAN PEOPLES IN TRANSNATIONAL PROCESSES
OF NORTH-EASTERN ASIA IN THE 13th–21st CENTURIES
IN REGIONAL HISTORIOGRAPHY**

Vladimir D. Dugarov

Dr Sci. (History), Prof. of General and National History Department,

Dorzhi Banzarov Buryat State University

24a Smolina St., Ulan-Ude 670000 Russia

E-mail: dugarovbgu@mail.ru

The processes of globalization in the domestic scientific and educational complex raises a question of choosing ways to develop humanitarian knowledge that can give adequate answers to these challenges.

Comprehensive study of the historiography of Buryat and Mongolian state formations, and their relations with the neighboring states of North-Eastern Asia is an urgent problem in regional Mongolian studies of Russia at the beginning of the 21st century.

Keywords: North-Eastern Asia; Mongolia; China; Korea; historiography; methodology; D. B. Ulymzhiev; "Ikh Zasag".

Изменение геополитической ситуации в Азиатско-Тихоокеанском регионе на рубеже XX–XXI вв., разрушение биполярного мира, связанного с крушением системы социализма, определяемой ведущей ролью Советского Союза в политических событиях Евразии, обострение транснациональной конкуренции между США и КНР в мировой и региональной политике, трансформация государственно-политических и экономических структур государств региона привели к карди-

нальной смене методологических критериев оценки в отечественной ориенталистской науке. В региональной монголоведной историко-политологической науке России в начале XXI в. актуальной проблемой изучения является комплексное исследование истории монгольских, бурятских государственных образований в их взаимоотношениях с сопредельными государствами Северо-Восточной Азии.

Один из ведущих российских ученых, занимающихся проблемами методологии, академик РАН А. О. Чубарьян, анализируя современную ситуацию в гуманитарных науках, отмечает: «На рубеже XX и XXI вв., в условиях набирающих силу процессов глобализации, связанных с модернизацией всех сфер общественной жизни, научно-образовательный комплекс сталкивается с вызовом динамично изменяющейся действительности, остро и совершенно по-новому ставящей вопросы выбора путей развития гуманитарного знания, способного давать адекватные ответы на эти вызовы» [26, с. 56].

В современных геополитических условиях в Северо-Восточной Азии накапливается немалый конфликтный потенциал. Подъем КНР вызывает активное неприятие со стороны США, которые стремятся вовлечь в противостояние с ним своих союзников: Японию и Республику Корея. В этих условиях возможны непредсказуемые последствия для региональной и глобальной безопасности, например выход на новые рубежи ракетно-ядерной программы КНДР. О чем свидетельствуют активные двусторонние встречи лидеров РФ, США, КНДР, Японии за период второй половины 2018 — первой половины 2019 г., которые приводят к разнообразным геополитическим результатам, связанным с обострением территориальных споров.

На данном этапе развития формирующийся геополитический новый Шелковый путь, объявленный в качестве широкомасштабной программы международного сотрудничества, может стать основой системного сдвига в мировой геополитике. Постсоветская модель трансграничного регионализма связана, с одной стороны, культурно-исторической близостью стран-участниц, а с другой — наличием экономических и политических разногласий, требующих от соседних стран значительных усилий. Эти проблемы подвергаются критическому анализу бурятскими, иркутскими и читинскими учеными [2–6].

История приграничного взаимодействия российских многонациональных этносов по рассматриваемому вектору развития, проблемы истории анализируемых регионов, цивилизационно входящих в орбиту формирующихся в региональной ориенталистской науке России альтернативных дискуссионных теорий: нациестроительства, евразийства, кочевниковедения, фронта, Великого лимитрофа, «третьего соседа», «мягкой силы», экологической безопасности, требуют на пороге XXI в. своей теоретической проработки и обоснования. В отечественной востоковедной науке кардинальному изучению и систематизации подлежат исторические понятия и категории: Азиатско-Тихоокеанский регион, Центрально-Восточная Азия, Большая Азия, Внутренняя Азия, Байкальская Азия и другие.

Нуждается в квалифицированной теоретико-методологической проработке создаваемый международный туристический проект «Великий чайный путь», который совместно реализуют Россия, Китай, Монголия, Северная и Южная Корея и другие страны пояса «Одна сила — один путь». Единению народов региона послужит основная цель проекта — содействие развитию туризма между тремя странами. В основу проекта положена идея исторического маршрута «Чайный путь», по которому сырье для этого благородного напитка попадало из Азии в Европу. В связи с этим происходит детализация термина или понятия «Байкало-Монгольская Азия», которое перекочевало из физической географии (где оно обозначало в основном бассейн Байкала) в лексикон местных туроператоров. Сегодня под этим словосочетанием часто подразумевается вся территория от Байкала до пустыни Гоби, поскольку она пронизана сетью туристских маршрутов так же, как с незапамятных времен ее пронизывали маршруты сезонных кочевков монгольских племен, караванов с чаем, а позднее — советских и монгольских геологов, археологов, биологов, строителей. На этой территории схожи и взаимозависимы природные комплексы, здесь мигрируют, невзирая на границы, птицы и звери, отдельные виды растений. Здесь все пронизано историческими, культурными и этнографическими связями — например, имя Гэсэр-хан хорошо известно и в Бурятии, и в Монголии, и даже в Тибете.

Академик А. О. Чубарьян отмечает: «Действительность современного мира предъявляет новые требования к интеллектуальному сообществу, его ресурсам и возможностям познания сути происходящих социально-исторических процессов. В профессиональном сообществе сложилось устойчивое представление о парадигмальном характере происходящих изменений в современной исторической науке, нередко описываемых как “революция в историографии”. Особенно рельефно это отражает текущий процесс теоретико-методологического переоснащения научного знания, наиболее приметной чертой которого является выраженное стремление к преодолению дисциплинарных границ и барьеров, иными словами — к полидисциплинарному синтезу. Вместе с тем механистичность заимствования из других дисциплин и даже использование порой взаимоисключающих подходов оборачивается нередко теоретическим хаосом и методологической беспринципностью» [26, с. 56].

Как отмечается рядом исследователей, на характер протекания кризиса идентичности профессии в российском научном пространстве повлиял процесс утраты теоретико-эпистемологических ориентиров в виде марксистской методологии. При всех оговорках, которые делаются авторитетными экспертами в отношении квалификации кризиса российской исторической науки, признается, что в перестроечные годы значительная часть историков оказалась в состоянии философской и методологической растерянности. Резкая теоретическая ломка устоявшихся представлений в постперестроечный период наложила существенный отпечаток на характер заимствования российской историографией как концепций и методов, родившихся в лоне западной исторической науки, так и interdisciplinaryного знания. Полисемантичность исторических терминов — это характерная черта современного исторического дискурса, с одной стороны, свиде-

тельствующая о нормальном развитии исторической науки, с другой — содержащая терминологические риски при составлении подобного рода словарей.

Хронологические и цивилизационные рамки не всегда равномерного диалектического развития стран Северо-Восточной Азии, охватывающие период от формирования степных политий в Великой Степи в виде хунну до истории этносов периода плиточных могил и керексуров, дун-ху, сяньби, монгольских и бурятских родов, квалифицированно раскрыты в работах ведущих бурятских ученых: П. Б. Коновалова, С. В. Данилова, Б. Б. Дашибалова, Н. В. Именохоева, Д. Д. Нимаева, Б. Р. Зориктуева, А. И. Бураева и др. [11–21].

Квалифицированный анализ развития археологической науки в регионе, истории становления и расширения научной проблематики археологии Бурятии от начала изучения «кочевых» культур железного века до охвата всех разделов археологической периодизации был сделан патриархом бурятской археологии П. Б. Коноваловым в статье «Пятьдесят пять лет археологии Бурятского научного центра СО РАН», где автор отмечает: «В рамках Восточной Сибири три соседних территории — Предбайкалье, Западное Забайкалье и Восточное Забайкалье — образуют историко-этнографическое единство как историческую область формирования бурятского этноса, или этнической/этнографической Бурятии... Совершенно естественным и закономерным было сотрудничество с монгольскими археологами. Занимаясь археологией Забайкалья, невозможно не выйти на памятники Монголии, которые представляют те же древние культуры, но только в пространственных и количественных макромасштабах» [11, с. 10–12].

Бурятские ученые (М. М. Содномпилова, В. А. Родионов, Т. Б. Бадмацыренов, Д. Д. Бадараев, Б. З. Нанзатов, Ю. Григорьева и др.) опубликовали ряд качественных в методологическом отношении материалов по общественно-политическим, философским, этнографическим, буддологическим, социологическим проблемам в востоковедной науке [23–25]. Большой блок историографической и методологической литературы анализирует геомасштабный миграционный этап в мировой истории в виде «великого переселения народов», фактически перевернувший европейский мир, который предшествовал многовековому доминированию Великой монгольской империи и ее эволюции в евразийско-азиатском мире, истории политических образований после распада империи в трансграничном пространстве монгольского мира до современных историко-политических событий в регионах Большой Азии. Драматические исторические события в евро-азиатской Ойкумене, хронологически охватывающие период с XVII по XXI в., рассмотрены в коллективной монографии «Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии». Авторы введения Б. В. Базаров, М. Н. Балдано в квалифицированной монографии, состоящей из девяти научных глав, в которых проанализированы и обоснованы основные актуальные тенденции и направления в мировой монголоведной науке, не случайно отмечают, что «важнейшим аспектом поставленной проблемы стали базовые концепты мировоззрения монголов. Именно они обеспечили сохранность и воспроизводство социальной организации монгольского общества, политической культуры Великой монгольской империи вплоть до XVII в. Именно они сохранили свою акту-

альность в условиях современности» [1, с. 5]. В главе VII «Проекты нациестроительства в монгольском мире: реальность и иллюзии (XX — начало XXI в.)» (с. 419–447) авторы исследования отошли от превалирующей в советской монголоведной историографии «теории некапиталистического пути развития» Монголии, монгольязычных этносов в XX в.

Большой блок трудов ученых анализирует современную геополитическую ситуацию, которая диктует необходимость перестройки структуры межгосударственного взаимодействия в Евразии в целом, сферы взаимодействия России, Монголии, Китая, Республики Корея и КНДР в особенности. Экономические предпосылки для этого накапливались по мере развития научно-технической революции, политические же были созданы фактом распада СССР. Однако еще в 60-е гг. XX в. начали формироваться субъекты экономических изменений, обладавшие формальным политическим статусом и потому способные выступить в качестве новых центров влияния и силы уже и в мировой политике. То были страны Восточной Азии (Япония, Южная Корея, Тайвань и др.), объединяемые общностью этноконфессиональных, духовно-культурных традиций (конфуцианство, буддизм), а в недалеком прошлом и единой иероглифической системой письма. В короткие сроки они модернизировали экономику и социальную сферу, достигли высоких темпов роста и в то же время сохранили свои этнокультурные традиции, в том числе религиозные (правда, не в одинаковой мере), в чем была одна из главных причин их успеха. Еще тогда, когда только обозначились признаки появления на мировой арене восточноазиатских «драконов» и «тигров», заговорили о конце «атлантической эпохи» и наступлении «тихоокеанской» [4; 6; 10; 22].

Эволюция теоретических критериев в российской востоковедной историографической науке по истории и формированию современной модели развития Северо-Восточной Азии, совершенствование методологических подходов в оценке истории и практики северо-восточного регионализма определяются сменой политических, теоретических, практических направлений приграничного сотрудничества регионов Российской Федерации с аймаками Монголии, провинциями Китайской Народной Республики, провинциями КНДР и Республики Корея — государств, расположенных вдоль Великого шелкового пути. Активно поддерживаемая правительством России, Китая, Монголии, КНДР и Республики Корея геостратегическая концепция «Один пояс, один путь» предусматривает формирование научно обоснованной стратегии развития стран «Большой Восточной Азии», ориентированной на их своевременное включение в наметившийся процесс геоэкономической революции региональных соседей.

Как известно, первый форум «Один пояс, один путь» прошел в Пекине в 2017 г. с участием глав государств и правительств России, Китая и еще 28 стран. В конце апреля 2019 г. в Пекине прошел второй форум «Один пояс и один путь». Количество стран, поддерживающих глобальную торговую инициативу КНР, выросло до 38 [22, с. 5]. При изучении этого транснационального проекта, помимо положительной оценки формирующегося неизведанного направления в мировой стратегии и практике, в отечественной историко-политологической науке

необходимо учитывать проблему того, что два крупнейших мировых участника — США и Индия по политическим мотивам демонстративно игнорируют проект. С Индией у Китая территориальный спор, с США — геополитический [6].

Формирование перспективного, активно теоретически и практически изучаемого направления требует своей проработки и детализации. В мировой экспертной науке начинают обсуждаться альтернативные теории развития и перспектив стратегии «Один пояс и один путь». Председатель Китайской ассоциации по изучению России, Восточной Европы и Центральной Азии Ли Юнцюань, поясняя сущность китайского подхода, сравнил «Один пояс и один путь» с российской инициативой «Большой Евразии», выдвинутой в 2016 г. «В 2015 году русские не до конца понимали, что такое “Пояс и путь”, но подписали соглашение о сопряжении ЕАЭС и ЭПШП, потому что чувствовали: это важно для коренных национальных интересов Китая, — заметил он. — Так и мы сейчас не до конца понимаем, что такое “Большая Евразия”, но поддерживаем ее, так как чувствуем, что она важна для национальных интересов России» [22, с. 5].

Дискуссионные теории и практики политико-экономической и экологической безопасности, трансграничья, евразийства, фронта, Великого Лимитрофа, нацистроительства представляют собой актуальный объект изучения в мировом востоковедении, их история и перспективы требуют своего методологического и теоретического обоснования. Необходима фундаментальная трансформация богатого опыта исследований контактных зон межкультурного общения народов, включающих в себя ареал приграничных с российскими территориями национальных анклавов Китая, Монголии, Корейского полуострова, рассматривая их в рамках изменяющейся системы трансграничных территорий, формирования барьерных и контактных рубежей.

Литература

1. Монгольские народы: исторический опыт трансформации кочевых сообществ Азии: колл. монография / отв. ред. Б. В. Базаров; науч. ред. Л. В. Курас. Иркутск: Оттиск; ИМБТ СО РАН, 2016. 623 с.
2. Базаров Б. В., Базаров В. Б., Нолев Е. В. Новый Шелковый путь: открытая политика открытого общества Китая // *Власть*. 2015. С. 29–34.
3. Базаров Б. В. «Новый шелковый путь»: к постановке проблемы стратегического взаимодействия России и Китая // *Власть*. 2017. № 11. С. 7–12.
4. Дондоков З. Б.-Д. Россия — Монголия — Китай: перспективы трехстороннего сотрудничества // *Проблемы Дальнего Востока*. 2016. № 1. С. 93–101.
5. Дугаров В. Д., Казанцева Н. Г. Таможенное дело на территории Юго-Восточного Забайкалья в конце XVII — начале XVIII в. // *Вестник Томского государственного университета*. 2017. № 416. С. 81–86.
6. Лиштованный Е. И. Современные геополитические тенденции и Монголия [Электронный ресурс]. URL: <http://www.irkutsk.iriss.ru/pub/bgca/8.html> (дата обращения: 26.04.2019).
7. Буряты / отв. ред. Л. Л. Абаева, Н. Л. Жуковская; Ин-т этнологии и антропологии им. Н. Н. Миклухо-Маклая. М.: Наука, 2004. 633 с.

8. Бурятия: к 350-летию вхождения Бурятии в состав Российского государства: энциклопедический справочник: в 2 т. / науч. ред. Б. В. Базаров; Правительство РБ; Народный Хурал РБ; ИМБТ СО РАН. Улан-Удэ: Экос, 2011. 328 + 300 с.
9. История Бурятии: в 3 т. / гл. ред. Б. В. Базаров. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2011. С. 337 + 630 + 473 с.
10. Григорьева Ю. Г. Экономическое сотрудничество между Республикой Корея и Монголией: современное состояние и перспективы // Мировая политика. 2018. № 1. С. 13–23.
11. Коновалов П. Б. Пятьдесят пять лет археологии Бурятского научного центра СО РАН // Вестник БНЦ СО РАН. 2016. № 4(24). С. 10–12.
12. Коновалов П. Б. Хунну в Забайкалье. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1976. 220 с.
13. Коновалов П. Б. Этнические аспекты истории Центральной Азии (древность и средневековье). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1999. 214 с.
14. Данилов С. В. Города в кочевых обществах Центральной Азии. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2004. 202 с.
15. Дашибалов Б. Б. Археологические памятники курыкан и хори. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1995. 191 с.
16. Дашибалов Б. Б. Истоки: от древних хори-монголов к бурятам. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2003. 124 с.;
17. Дашибалов Б. Б. На монголо-тюркском пограничье (Этнокультурные процессы в Юго-Восточной Сибири в Средние века). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2005. 202 с.
18. Именохоев Н. В., Коновалов П. Б. К изучению погребальных памятников монголов в Забайкалье // Древнее Забайкалье и его культурные связи. Новосибирск: Наука, 1985. С. 69–85.
19. Нимаев Д. Д. Буряты: этногенез и этническая история. Улан-Удэ: Изд.-полигр. комплекс ВСГАКИ, 2000. 190 с.
20. Зориктуев Б. Р. Прибайкалье в середине VI–XIII в. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 1996. 84 с.
21. Бураев А. И. Древние тюрки Монголии (реконструкция антропологического состава скульптурных изображений). Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2016. 207 с.
22. Ли Юнцюань. В Пекине начался второй форум «Пояса и пути» // Коммерсантъ. 2019. №75. 26 апр. С. 5.
23. Содномпилова М. М. Мир в традиционном мировоззрении и практической деятельности монгольских народов. Улан-Удэ: Изд-во БНЦ СО РАН, 2009. 366 с.
24. Бадараев Д. Д. Традиционные хозяйственные практики монголоязычных номадов: особенности и перспективы развития скотоводства на сопредельных территориях Монголии и России // Вестник Института социологии. 2016. № 18. С. 175–194.
25. Нанзатов Б. З. Расселение бурят и их соседей в конце XVI — первой половине XVII в. // Вестник БНЦ СО РАН. 2011. № 2. С. 32–37.
26. Чубарьян А. О. Теория и методология исторической науки. Терминологический словарь / отв. ред. А. О. Чубарьян. М.: Аквилон, 2014. С. 56.
27. Фаляхов Р. Пан или пропал: куда заведет Россию Шелковый путь. Китай и Россия будут строить «Один пояс, один путь» // Газета.RU. 2019. 26 апр.